

A man and a woman are standing in a doorway, looking at each other. The woman is on the left, wearing a floral dress, and the man is on the right, wearing a red shirt. The doorway is framed by dark wood, and a window is visible in the background. The scene is lit with soft, natural light from the window.

Альтер М.

Улыбнись,
пока
я
смотрю

Альтер М.

Улыбнись, пока я смотрю

<https://litres.ru/74163524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семья переезжает в старый дом к бабушке с деменцией. Та утверждает, что в шкафу живёт «человек без лица». Внучка, снимая видео для блога, замечает в отражениях зеркал жуткие аномалии: тени без лиц копируют её движения. Психологический триллер о том, как грань между реальностью и безумием истончается, стоит лишь пристально взглянуть в зеркало.

Содержание

Глава 1. Дом, где живут тени	4
Глава 2. Двойник в кадре	30
Глава 3. Зеркало прадеда	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Альтер М.

Улыбнись, пока я смотрю

Глава 1. Дом, где живут тени

Переезд случился в середине августа, когда воздух в городе становится густым и липким, словно засахарившийся мёд. Варвара сидела на заднем сиденье старого универсала, прижимаясь виском к горячему стеклу, и смотрела, как знакомые улицы сменяются сначала унылыми пригородами, а потом и вовсе бесконечным полотном смешанного леса. Машину вела мать — молча, сосредоточенно, сжав руль побелевшими пальцами. Отец остался в городе доживать свою отдельную жизнь, от которой семье достались только алименты, редкие звонки по праздникам и этот автомобиль, выдавший виды, но исправно тянувший свою ляжку.

В салоне пахло бензином, старой обивкой и мятными леденцами, которые мать поглощала один за другим, пытаясь бросить курить. Варваре было пятнадцать, и весь её мир только что сжался до размеров чемодана с одеждой, рюкзака с ноутбуком и картонной коробки, где лежали самые ценные вещи: старый зеркальный фотоаппарат «Зенит», доставшийся от деда, штатив, объективы и кольцевая лампа, купленная на деньги, заработанные первой в жизни подработкой —

расклейкой объявлений.

— Долго ещё? — спросила она, не поворачивая головы.

Мать бросила взгляд на навигатор, прилепленный к лобовому стеклу на присоске.

— Часа полтора. Ты как, нормально?

Нормально. Смешное слово. Варвара не знала, что такое нормально. Нормально — это когда ты просыпаешься утром в своей комнате, стены которой оклеены постерами музыкальных групп, когда ты выходишь на кухню, а там пахнет кофе и подгоревшими тостами, когда ты опаздываешь в школу, переписываешься с подругами на скучных уроках, гуляешь вечером по парку. Этого больше не будет. Вместо этого они едут в дом, который мать называет «родовым гнездом», хотя на самом деле это просто старый деревянный особняк, построенный ещё прадедом где-то в глуши, в деревне, которая даже на картах обозначена мелким, едва заметным шрифтом. Едут, потому что бабушка больше не может жить одна.

О бабушке Варвара знала немного. Та всегда была фигурой далёкой, почти мифической: жила в этом самом доме, приезжала в город раз в два-три года, привозила гостинцы — сушёные яблоки, варенье из крыжовника, вязаные носки. Высокая, статная, с копной седых волос, уложенных в тугой пучок, она говорила мало, но всегда как-то весомо, будто каждое слово было отлито из металла. Варвара её не боялась, но и особой теплоты не испытывала. Бабушка была словно

персонаж из старой книжки — интересный, но совершенно чужой.

Всё изменилось полгода назад. Бабушка начала звонить матери. Сначала раз в неделю, потом каждый день, потом по несколько раз за день. Она говорила странные вещи: что в доме кто-то есть, что по ночам ходят, что вещи пропадают, а потом находятся в самых неожиданных местах. Мать сначала списывала это на одиночество и возраст, но потом бабушка забыла, как включить плиту, а однажды вышла в магазин и не смогла найти дорогу обратно — её привёл участковый, случайно встретивший старую женщину, бредущую по просёлочной дороге в тапочках и халате. Диагноз прозвучал как приговор: деменция, смешанная форма, быстрое прогрессирование.

Продать дом и перевезти бабушку в город — такой вариант обсуждался, но мать решила иначе. Она сама уволилась с работы, собрала вещи и объявила Варваре, что они переезжают.

— Это временно, — сказала она тогда. — Бабушке нужен уход. Мы не можем сдать её в интернат. Это было бы предательством.

Варвара не спорила. Она вообще редко спорила с матерью — та была из породы людей, которые принимают решения быстро и бесповоротно, и любое возражение лишь укрепляло её в собственной правоте. В конце концов, какая разница, где жить? Школы всё равно нет, будут онлайн-уроки. Дру-

зья? С друзьями можно переписываться. А всё остальное... Варвара давно поняла, что жизнь — это череда утрат, и каждый справляется с ними по-своему. Она справлялась, снимая видео.

Её канал в «Сферах» — так называлась социальная сеть, заменявшая теперь и телевидение, и библиотеку, и место для сплетен — насчитывал около трёх тысяч подписчиков. Для пятнадцати лет это было неплохо, но Варвара мечтала о большем. Она снимала всё подряд: утро в городе, закаты с крыши заброшенной стройки, кошек, случайных прохожих, свои размышления о жизни. Это был её способ фиксировать реальность, делать её вещественной, осязаемой. Когда смотришь на мир через объектив, он становится менее пугающим. Всё, что попадает в кадр, обретает смысл. Всему находится место.

— А ты не боишься? — спросила она мать, когда универсал свернул с асфальтированной трассы на гравийную дорогу, и машину начало потряхивать.

— Чего?

— Ну, бабушка. Она же... не в себе.

Мать помолчала. Варвара видела, как дрогнули уголки её губ — то ли усмешка, то ли судорога сдерживаемых слёз.

— Она не буйная, если ты об этом. Просто забывает. Иногда не узнаёт. Но физически она ещё крепкая. Мы справимся.

Мы справимся. Ещё одно заклинание, которое мать по-

вторяла как мантру. Варвара ничего не ответила, только достала из рюкзака телефон и проверила связь. Две палочки из пяти. Интернет едва тянул. Она вздохнула и убрала телефон обратно.

Лес становился гуще. Дорога сузилась. По обочинам виселись старые ели, их ветви почти смыкались над машиной, создавая подобие тёмного туннеля. Варвара опустила стекло, и в салон ворвался запах хвои, сырой земли и чего-то ещё — едва уловимого, сладковатого, как запах старых духов. Ей показалось, что она уже чувствовала этот запах когда-то, очень давно, может быть, в детстве, когда они приезжали сюда на лето.

— Почти приехали, — сказала мать.

Деревья расступились, и взгляду открылся дом.

Варвара ожидала увидеть что-то ветхое, покосившееся, заросшее бурьяном. Но реальность оказалась иной. Дом был старым — это чувствовалось в каждой линии, в каждом бревне, — но при этом удивительно крепким. Два этажа, высокая крыша, крытая тёмно-красной черепицей, резные наличники на окнах, массивное крыльцо с коваными перилами. Вокруг дома буйно разросся сад: яблони, вишни, кусты малины и смородины. Всё это было немного одичавшим, но не запущенным. Видно было, что до недавнего времени бабушка ещё ухаживала за участком.

— Красиво, — выдохнула Варвара, забыв о своём скепсисе.

— Да, — кивнула мать. — Я здесь выросла.

Они вышли из машины. Гравий под ногами захрустел, где-то в кронах деревьев зашумели птицы. Воздух был совсем не таким, как в городе — густым и влажным, но при этом невероятно свежим, почти сладким. У Варвары слегка закружилась голова, и она прислонилась к дверце автомобиля, ожидая, пока мир перестанет плыть.

— Идём, — мать уже поднималась на крыльцо с чемоданом в руке. — Бабушка ждёт.

Входная дверь оказалась тяжёлой, обитой потемневшим от времени металлом с кованым узором. Мать нажала на ручку, и дверь отворилась с низким, протяжным скрипом — именно таким, каким должны скрипеть двери в старых домах, когда их открывают впервые за долгое время. Варвара перешагнула порог и оказалась в прихожей.

Первое, что поразило её — запах. Тот самый, сладковатый и едва уловимый, но теперь гораздо сильнее. К нему примешивались ароматы старого дерева, сушёных трав, воска и чего-то неуловимо печального, как запах вещей, которые давно не трогали. Второе, что она заметила — свет. Он проникал сквозь окна с цветными витражами в верхней части рам и ложился на дощатый пол разноцветными пятнами: синими, зелёными, рубиновыми.

— Бабушка? — позвала мать, ставя чемодан.

Из глубины дома, из-за приоткрытой двери, ведущей в гостиную, донёсся шорох, потом шаги — медленные, шаркаю-

щие. Дверь отворилась шире, и на пороге появилась бабушка.

Варвара ожидала увидеть сгорбленную, ссохшуюся старушку, но бабушка почти не изменилась с их последней встречи. Всё та же высокая фигура, та же копна седых волос, собранных в пучок, та же прямая спина. Только глаза стали другими — в них появилась какая-то глубокая, затаённая тревога, будто она постоянно прислушивалась к чему-то, чего не слышали другие.

— Зоя, — произнесла она, глядя на мать. Голос был сухим, но неожиданно твёрдым. — Приехала.

— Приехала, мама. — Мать шагнула вперёд и обняла её. Бабушка стояла неподвижно, не отвечая на объятия, просто ждала, пока это закончится. Потом её взгляд переместился на Варвару.

— А это кто?

У Варвары внутри что-то оборвалось. Мать предупреждала, что бабушка может не узнавать близких, но одно дело слышать об этом, и совсем другое — увидеть воочию. Лицо бабушки было совершенно серьёзным, она действительно не понимала, кто перед ней.

— Это Варя, мама. Твоя внучка. Ты помнишь Варю?

Бабушка долго всматривалась в лицо Варвары, и постепенно в её глазах начало проступать узнавание.

— Варя... — прошелестела она. — Маленькая Варя. Ты выросла.

— Мне пятнадцать, — сказала Варвара. — Здравствуйте, бабушка.

Та ничего не ответила, только кивнула каким-то своим мыслям и снова ушла в гостиную. Мать вздохнула и взялась за чемодан.

— Располагайся. Твоя комната на втором этаже, последняя дверь справа. Я пока приготовлю ужин.

Варвара поднялась по лестнице. Ступени скрипели под ногами, и этот звук отдавался эхом в стенах старого дома. На втором этаже было три комнаты: спальня бабушки, бывшая комната матери и ещё одна, самая дальняя — гостевая, как пояснила мать. Именно её и отвели Варваре.

Комната оказалась небольшой, но уютной. У окна стояла железная кровать с панцирной сеткой, застеленная ватным одеялом, у стены — старый платяной шкаф из тёмного дерева, массивный, с резными дверцами и большим зеркалом во весь рост. Ещё здесь был письменный стол, стул и этажерка с книгами. Варвара подошла к окну и выглянула наружу. Из окна открывался вид на сад и на лес за ним. Солнце клонилось к закату, и длинные тени деревьев ползли по траве, словно чьи-то пальцы.

Она поставила чемодан, достала ноутбук и попыталась подключиться к интернету. Связь была отвратительной — единственная точка доступа, которую она нашла, работала с перебоями и требовала пароля. Мать, поднимавшаяся следом, продиктовала комбинацию цифр и букв, и Варвара кое-как

загрузила страницу своего канала.

Три тысячи двенадцать подписчиков. Последнее видео, выложенное два дня назад — «Прощай, город» — набрало около тысячи просмотров и пару десятков комментариев. В основном писали банальности: «Удачи на новом месте!», «Будет интересно посмотреть на деревенскую жизнь», «Ты классная, не бросай снимать!». Был и один странный комментарий, который Варвара заметила только сейчас: «В старых домах живут тени. Будь осторожна». Она хмыкнула и закрыла вкладку. В интернете всегда найдутся желающие нагнать жути.

Вечером они втроем сидели на кухне — большом помещении с печью, обложенной белым кафелем, с длинным деревянным столом и буфетом, полным старой посуды. Мать приготовила ужин из того, что привезла с собой: макароны, тушёнка, консервированные огурцы. Бабушка ела мало, больше ковыряла вилкой в тарелке и смотрела куда-то в угол, за спину Варваре.

— Мама, — мягко сказала Зоя, заметив это. — Ты что там высматриваешь?

Бабушка вздрогнула, словно её разбудили.

— Ничего. Показалось.

Но Варвара заметила, как пальцы бабушки, держащие вилку, задрожали, а лицо стало напряжённым.

— Тебе нехорошо? — спросила она.

— Мне хорошо, — ответила бабушка, но прозвучало это

неубедительно. — Я просто устала.

После ужина мать уложила бабушку спать, а Варвара поднялась к себе. Она распаковала вещи, разложила одежду в шкаф, поставила на стол ноутбук. Кольцевую лампу пристроила на штатив — та будет полезна для съёмок. Потом села на кровать и задумалась.

Идея пришла сама собой. Она будет снимать жизнь здесь: старый дом, сад, лес, бабушку. Это может быть интересно. У людей есть тяга к подобному — к заброшенному, старинному, таинственному. Можно сделать серию видео о переезде, о том, как они обустроиваются, о местных легендах (если таковые имеются). Аутентичный контент сейчас в тренде. Тысяча подписчиков легко может превратиться в десять тысяч, если подать материал правильно.

Она включила камеру телефона и прошлась по комнате, снимая обстановку. Вот шкаф — старый, тёмный, с потускневшим зеркалом. Вот окно с видом на вечерний сад. Вот книжные полки, уставленные пыльными томами. Она комментировала шёпотом, чтобы не разбудить домашних:

— Первый вечер в новом доме. Это моя комната. Здесь всё дышит стариной. Чувствуется, что в этих стенах прошло много жизней...

Она навела камеру на шкаф. В зеркале отразилась её собственная фигура — худенькая девушка с растрёпанными русыми волосами, в растянутой футболке, с телефоном в вытянутой руке. Она сделала пару шагов, ловя ракурс, и тут за-

метила что-то странное. Отражение в зеркале чуть-чуть запоздало.

Варвара замерла. Сердце пропустило удар. Она опустила телефон и уставилась в зеркало в упор. Собственное лицо смотрело на неё — бледное, немного испуганное. Она подняла руку. Отражение подняло руку синхронно. Она повернула голову влево. Отражение повторило движение. Всё было нормально.

— Дура, — прошептала она сама себе. — Просто показалось.

Нервное напряжение после долгой дороги, смена обстановки, тусклый свет — всё это могло сыграть злую шутку с восприятием. Варвара выключила камеру, бросила телефон на кровать и подошла к окну. В саду было тихо, только ветер шевелил ветви яблонь. На небе зажглись первые звёзды. Где-то в лесу ухнула сова.

Она легла в постель, но сон не шёл. Кровать скрипела при каждом движении, одеяло пахло лавандой и чем-то ещё — тем же сладковатым запахом, что и весь дом. Варвара лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, где плясали тени от ветвей за окном. Мысли путались. Она вспоминала лицо бабушки за ужином, её взгляд, устремлённый в пустой угол. Потом думала о школе, оставленной в городе, об одноклассниках, которые сейчас, наверное, гуляют по вечерним улицам. Потом — о комментарии про тени в старых домах.

Незаметно для себя она провалилась в сон.

Проснулась она от звука. Кто-то ходил по коридору. Медленные, шаркающие шаги — туда-сюда, туда-сюда. Варвара приподнялась на локте и прислушалась. Шаги затихли. Потом снова возобновились — на этот раз ближе к её двери.

Она зажмурилась, пытаясь убедить себя, что это бабушка. Старые люди часто бродят по ночам, страдая бессонницей. В этом нет ничего необычного. Но сердце всё равно колотилось где-то в горле, а ладони стали влажными.

Шаги остановились прямо за дверью. Варвара затаила дыхание. Тишина. Прошла минута, другая. Она уже решила, что ей почудилось, как вдруг дверная ручка медленно повернулась.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров. В щель просунулась голова бабушки — седые волосы растрепаны, глаза широко раскрыты, но взгляд пустой, словно обращённый внутрь себя.

— Бабушка? — прошептала Варвара.

Бабушка не ответила. Она стояла и смотрела в комнату, но не на Варвару, а куда-то в угол, туда, где стоял платяной шкаф.

— Бабушка, что случилось? — Варвара села на кровати.

— Он там, — произнесла бабушка едва слышно. Голос её был сухим и безжизненным, словно шелест осенних листьев.

— Кто?

— Человек. В шкафу.

У Варвары по спине пробежал холодок. Она посмотре-

ла на шкаф. Дверцы были плотно закрыты, зеркало тускло поблёскивало в лунном свете, льющемся из окна. Ничего необычного.

— Там никого нет, бабушка. Это просто шкаф.

— Ты не понимаешь, — бабушка покачала головой, и в этом движении было столько горечи и страха, что Варваре стало не по себе. — Он приходит каждую ночь. Стоит и смотрит. У него нет лица.

— Бабушка, пойдёмте, я отведу вас в спальню.

Варвара встала, накинула халат и подошла к двери. Бабушка не сопротивлялась, позволила взять себя под руку и отвести в её комнату на другом конце коридора. Там пахло лекарствами и старой кожей. Варвара уложила бабушку в постель, укрыла одеялом. Та уже закрыла глаза и, кажется, засыпала.

— Бабушка, — тихо позвала Варвара. — Кто такой этот человек без лица?

Бабушка не ответила. Её дыхание стало ровным и глубоким. Варвара постояла ещё немного, потом вышла и тихо прикрыла дверь.

Вернувшись в свою комнату, она первым делом посмотрела на шкаф. Обычный старый шкаф. Ничего страшного. Она даже подошла и открыла дверцы — внутри висела её одежда, на полках лежали свитера и джинсы. Пусто.

— Вот видишь, — прошептала она, обращаясь то ли к отсутствующей бабушке, то ли к самой себе. — Никого.

Она снова легла, но заснуть уже не могла. В голове крутились слова бабушки: «У него нет лица». Что за бред? Деменция. Это всё деменция. Галлюцинации — один из симптомов. Мать рассказывала, что бабушка иногда видит людей, которых нет, слышит голоса, разговаривает с пустотой. Ничего сверхъестественного. Обычная клиническая картина.

Но где-то глубоко внутри, на самом дне сознания, шевелился холодный, липкий страх.

Следующее утро выдалось солнечным и ясным. Лучи света заливали кухню, и вчерашние страхи казались глупыми, почти смешными. Мать хлопотала у плиты, готовя завтрак, бабушка сидела за столом, чинно сложив руки, и смотрела в окно. Выглядела она совершенно нормально — умиротворённой и спокойной, словно и не было ночного происшествия.

— Как спалось? — спросила мать, ставя перед Варварой тарелку с кашей.

— Хорошо, — соврала Варвара. — А вам, бабушка?

Бабушка перевела на неё взгляд, и в её глазах Варвара не увидела ничего, кроме старческой отстранённости.

— Спалось? — переспросила она. — Я не помню.

Варвара переглянулась с матерью. Та лишь вздохнула и покачала головой: мол, привыкай.

После завтрака Варвара взяла телефон и вышла в сад. Ей хотелось заснять дом снаружи, деревья, цветы — всё то, что она намечала вчера для своего нового видео. Солнце подня-

лось уже высоко, трава искрилась от росы, воздух был прозрачным и звонким. Она прошла по дорожке, снимая панораму, потом повернула камеру на фасад дома.

Старый особняк смотрел на неё тёмными провалами окон. При дневном свете он уже не казался таким загадочным, но всё равно было в нём что-то... Варвара не могла подобрать слово. Что-то, что заставляло чуть дольше задерживать взгляд на тенях под карнизами, на зарослях плюща, карабкающегося по стене.

Она подошла ближе и стала снимать резные наличники. Узоры были искусными: переплетающиеся линии, цветы, какие-то символы, похожие на буквы незнакомого алфавита. Наверное, работа прадеда — он был столяром-краснодеревщиком, мать рассказывала. Варвара провела пальцем по деревянным завиткам, ощущая шершавую теплоту нагретого солнцем материала.

— Ты что делаешь?

Она вздрогнула и обернулась. Бабушка стояла позади, в нескольких шагах. Откуда она взялась? Только что была в доме.

— Снимаю, — ответила Варвара, показывая телефон. — Для моего канала.

— Для чего?

— Для интернета. Люди смотрят.

Бабушка нахмурилась, словно пыталась понять, о чём речь, но потом махнула рукой.

— Не снимай окна, — сказала она неожиданно твёрдо.

— Почему?

— Не люблю, когда в них смотрят. Они забирают душу. Варвара улыбнулась, приняв это за очередную странность.

— Это же просто суеверие, бабушка. Камера не забирает душу. Это миф.

Бабушка ничего не ответила. Она стояла и смотрела на Варвару, и в этом взгляде было что-то такое, от чего улыбка медленно сползла с лица.

— Ты не понимаешь, — наконец произнесла старуха. — Они забирают не душу. Они забирают лицо.

И, развернувшись, медленно пошла обратно к дому.

Варвара осталась стоять, глядя ей вслед. Странные слова. Забирают лицо. Откуда это? Может, отголоски каких-то старых поверий? В деревнях всегда было полно суеверий — про домовых, про леших, про сглаз. Надо будет расспросить мать.

Она продолжила съёмку, но уже без прежнего энтузиазма. Слова бабушки осели где-то внутри, и, как она ни гнала их от себя, они возвращались снова и снова.

Днём она села монтировать видео. Отснятого материала набралось минут на сорок, нужно было сократить до десяти, добавить музыку, закадровый голос. Варвара надела наушники и погрузилась в работу, забыв обо всём.

Первое, что она сделала — просмотрела вчерашнюю запись, сделанную вечером. Та самая, где она ходила по ком-

нате и комментировала обстановку. На экране телефона она увидела себя — немного дёрганая картинка, прыгающий свет. Вот она показывает кровать, вот стол, вот книжные полки. Всё нормально.

Она перемотала на момент, где снимала шкаф. В зеркале отражалась её фигура. Варвара поднесла телефон ближе к глазам и всмотрелась. Всё было как обычно. Она уже хотела выключить запись, но что-то её остановило. Какое-то смутное ощущение, что она что-то упустила.

Она отмотала назад и просмотрела фрагмент со шкафом ещё раз. Потом ещё раз. И ещё.

И тут она заметила.

Когда она делала шаг влево, отражение в зеркале делало шаг вправо — одновременно с ней, но как будто с микроскопической задержкой. Нет, это невозможно. Это была иллюзия, игра света, дрожание руки.

Она замедлила воспроизведение. Запись пошла в два раза медленнее. Варвара смотрела на экран не дыша.

Вот она поднимает руку с телефоном. Отражение поднимает руку. Но в тот самый момент, когда движение должно было быть синхронным, она увидела это. Отражение в зеркале двигалось не совсем так, как она. Рука в зеркале, та, что должна была держать телефон, двигалась чуть-чуть быстрее. И ещё — в зеркале не было видно самого телефона. Только смутное пятно на том месте, где должно было отражаться её лицо.

Варвара отложила телефон. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Она сделала глубокий вдох и попыталась рассуждать здраво. Это технический сбой. Камера телефона несовершенна, особенно при плохом освещении. Задержка могла возникнуть из-за обработки изображения. А отсутствие телефона в отражении — из-за ракурса, бликов, чего угодно. Это всё объяснимо.

Но страх уже поселился внутри, и рациональные доводы не помогали.

Она вышла из программы монтажа и открыла браузер. Ввела в поисковую строку: «задержка отражения в зеркале на видео». Выдача была пустой. «Отражение двигается несинхронно». Ничего. «Человек без лица в шкафу». Поисковик услужливо подкинул ссылки на городские легенды и страшилки, но ничего конкретного.

Варвара закрыла ноутбук и подошла к шкафу. Зеркало было старым, с едва заметными потёртостями и мелкими чёрными точками по краям — амальгама начала разрушаться от времени. В нём отражалась комната: кровать, стол, она сама. Она подняла руку. Отражение подняло руку одновременно с ней. Помахала пальцами. Отражение помахало в ответ. Всё идеально синхронно.

Она приблизила лицо к самому зеркалу. Из глубины стекла на неё смотрели её собственные глаза — карие, немного испуганные. Она дышала на поверхность, и на стекле оставался туманный след. Всё как обычно. Всё в порядке.

— Это просто старый дом, — прошептала она своему отражению. — Просто старый дом и больная бабушка. Больше ничего.

Отражение молчало.

Вечером они снова ужинали втроём. Бабушка на этот раз ела с аппетитом, даже попросила добавки. Мать рассказывала о планах: нужно привести в порядок сад, починить забор, поставить новую сантехнику. Варвара слушала вполуха,ковыряя ложкой в тарелке. Её мысли были заняты другим.

— Мам, — сказала она, когда бабушка вышла из-за стола. — А что за история про человека без лица?

Зоя замерла с чашкой чая в руке.

— Что ты имеешь в виду?

— Бабушка сегодня ночью приходила ко мне в комнату. Сказала, что в шкафу кто-то есть. Человек без лица.

Мать медленно поставила чашку на стол.

— Она и мне говорила. Несколько раз. Это часть её болезни. Галлюцинации. Врач предупреждал, что такое будет случаться.

— Она говорила это так убедительно. Словно действительно видела.

— Она верит в то, что видит, — мать пожала плечами. — Для неё это реальность. Наша задача — не подыгрывать, но и не спорить. Просто успокаивать. Ты правильно сделала, что отвела её в спальню.

— А раньше? — Варвара подалась вперёд. — Когда ты

здесь жила, были какие-нибудь... странности?

Мать задумалась.

— Это очень старый дом, Варя. Ему больше ста лет. Здесь жили несколько поколений. Конечно, здесь есть свои легенды. Прабабка рассказывала, что дом строили на месте старого кладбища, но я не уверена, что это правда. А когда я была маленькой, мне просто казалось, что в доме есть кто-то ещё. Дети часто такое выдумывают.

— Что значит «кто-то ещё»?

— Не знаю. Присутствие. Ощущение, что за тобой наблюдают. Но это всё ерунда. Старые половицы скрипят, ветер гудит в трубе — вот и вся мистика. Не забивай голову.

Варвара кивнула, но чувство тревоги не отпускало.

Ночь наступила незаметно. Дом погрузился в темноту, только в комнате Варвары горел ночник — она попросила его у матери, сославшись на то, что боится споткнуться в незнакомой обстановке. На самом деле ей просто не хотелось оставаться в полной темноте.

Она лежала в постели, просматривая ленту «Сфер». Подписчики интересовались, когда будет новое видео. Одна из подписчиц — девушка с ником «Алиса_Тень» — написала в личные сообщения: «Привет! С нетерпением жду твоих репортажей из старого дома. Обожаю такие места. Если найдёшь что-то странное — обязательно покажи!»

Варвара ответила смайликом и отложила телефон. Спать не хотелось. Она лежала, прислушиваясь к звукам дома. Вот

скрипнула половица где-то внизу. Вот завыл ветер за окном. Вот зашуршали ветви деревьев. Все эти звуки были естественными, нестрашными, но в совокупности они создавали ощущение, что дом живёт своей собственной жизнью.

Она уже начала засыпать, когда услышала это.

Шёпот. Тихий, едва различимый шёпот, доносящийся из коридора.

Варвара замерла. Сердце снова забилось часто-часто. Она приподнялась на локте и обратилась в слух. Шёпот не прекращался. Он был монотонным, ритмичным, словно кто-то читал молитву или заклинание.

Бабушка.

Она откинула одеяло и, ступая босыми ногами по холодному полу, подошла к двери. Приоткрыла её. В коридоре было темно, только в самом конце горел тусклый ночник. И там, у стены, спиной к ней, стояла бабушка. Она была в ночной рубашке, седые волосы распущены. Она стояла лицом к стене и что-то шептала.

— Бабушка? — тихо позвала Варвара.

Шёпот оборвался. Бабушка медленно, очень медленно повернула голову. Её лицо в полумраке казалось белым, как бумага, а глаза... глаза смотрели мимо Варвары, в темноту за её спиной.

— Ты тоже её видишь? — спросила бабушка.

— Кого?

— Тень. Она стоит у тебя за спиной. Она повторяет твои

движения.

Варвара резко обернулась. За её спиной никого не было — только пустой коридор и приоткрытая дверь в комнату. Но на какой-то миг, на одну долю секунды, ей показалось, что она видит смутное пятно, колышущийся сгусток тьмы, который исчез, как только она обратила на него внимание.

— Там никого нет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Есть, — упрямо повторила бабушка. — Она приходит из шкафа. Из зеркала. Ты принесла её с собой.

— Я ничего не приносила. Пойдёмте спать.

Она снова отвела бабушку в комнату, уложила, поправила одеяло. На этот раз старуха не засыпала — она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, и губы её беззвучно шевелились.

Вернувшись к себе, Варвара первым делом проверила телефон. В голове возникла безумная идея: записать происходящее. Если бабушка снова начнёт говорить о тенях и отражениях, это может стать материалом для видео. Жутковатый контент всегда привлекает больше просмотров. Да и самой будет интересно пересмотреть запись потом, при дневном свете, и убедиться, что всё это — лишь игра воображения.

Она поставила телефон в такое положение, чтобы камера захватывала и часть комнаты, и дверь в коридор. Включила запись. Пусть снимает. Если ничего не произойдёт — удалит

утром.

Легла обратно в постель и стала ждать. Тишина. Только часы тикают где-то внизу, в гостиной. Прошло полчаса. Час. Глаза начали слипаться. Никаких звуков из коридора больше не доносилось. Варвара уже почти заснула, когда услышала это.

Не шёпот. Не шаги.

Скрип.

Скрип дверцы шкафа.

Она открыла глаза и медленно, очень медленно повернула голову.

В лунном свете, льющемся из окна, она увидела, что дверца платяного шкафа приоткрыта. Та самая, с зеркалом. Она была закрыта, когда Варвара ложилась. Она точно это помнила.

Внутри шкафа была чернота — густая, почти материальная. И из этой черноты на неё что-то смотрело.

Варвара не могла пошевелиться. Ужас сковал тело, превратил мышцы в лёд. Она хотела закричать, но голос пропал. Она просто лежала и смотрела в темноту за дверцей шкафа, и темнота смотрела на неё в ответ.

Это длилось, наверное, минуту. А может, всего несколько секунд — время в такие моменты теряет привычную форму. Потом сквозняк из окна шевельнул занавеску, лунный свет сместился, и Варвара увидела, что в шкафу ничего нет. Обычная одежда на вешалках. Свитера, джинсы, куртка.

Она резко села на кровати и включила ночник. Комната осветилась тёплым жёлтым светом. Никого. Ничего. Дверца шкафа действительно была приоткрыта — но это могло быть из-за перекоса петель. В старых шкафах такое бывает.

Варвара схватила телефон. Запись всё ещё шла. Она остановила её и, не откладывая на утро, сразу начала просматривать.

Первые сорок минут — ничего. Тишина, темнота, её си­луэт на кровати. Потом — момент, когда она засыпает. Ды­хание становится ровнее. И вот, примерно на сорок пятой минуте, начинается.

Дверца шкафа медленно, очень медленно приоткрывает­ся. Сама собой. Варвара смотрела на экран, и её руки дрожали. На видео было видно, как чёрная щель расширяется, как из неё выползает что-то... что-то, чего она не могла разгля­деть, потому что камера телефона не справлялась с темно­той. Только смутное движение, словно клубился густой дым.

А потом она услышала звук. Тихий, почти неслышный шелест. Как будто кто-то провёл пальцами по стеклу.

И голос. Записанный микрофоном телефона, но такой ти­хий, что пришлось прибавить громкость до максимума. Го­лос шёпотом произнёс:

— Улыбнись.

Варвара выронила телефон. Он упал на одеяло, и на экра­не застыл последний кадр: дверца шкафа, приоткрытая ров­но настолько, чтобы отразить край кровати и её собственные

ноги.

Она просидела без движения несколько минут. Потом, усилием воли заставив себя успокоиться, снова взяла телефон и пересмотрела концовку. Голос. Ей не показалось. На записи действительно кто-то прошептал «Улыбнись».

Она решила, что завтра покажет это матери. Или не покажет. Она ещё не знала. Часть её хотела поверить, что всё это — злая шутка подсознания, что голос — всего лишь шум ветра, искажённый динамиком, а движение дверцы — сквозняк. Другая часть, более глубокая и тёмная, понимала: что-то началось. Что-то, чему она пока не могла дать названия.

Она перекинула видео на ноутбук. Открыла программу для монтажа и стала просматривать запись покадрово. Может быть, удастся рассмотреть то, что прячется в тени.

Она увеличила яркость. Повысила контрастность. И когда изображение стало светлее, она увидела это.

В тот момент, когда дверца шкафа открывается, в зеркале на мгновение появляется отражение комнаты. Кровать. Спина Варвары. И ещё кое-что.

Позади неё, вплотную к кровати, стояла фигура.

Тёмный силуэт, лишённый деталей. Он стоял совершенно неподвижно, и его голова — если это была голова — была повёрнута в сторону камеры. Лица не было. Только гладкая, пустая поверхность там, где должны были быть глаза, нос и рот.

Варвара закрыла ноутбук и долго сидела в тишине. Ей бы-

ло страшно. Впервые за долгое время ей было по-настоящему страшно. Но вместе со страхом пришло и что-то другое. То, что она не ожидала почувствовать.

Любопытство.

Она поняла, что хочет снять это снова. Поймать этот силуэт в кадре, рассмотреть его, понять, что это такое. И главное — понять, почему фигура в зеркале копирует её собственные движения.

Потому что, пересматривая запись ещё раз, она заметила деталь, от которой кровь застыла в жилах. Когда она во сне перевернулась на другой бок, фигура позади неё тоже перевернулась. И когда она поджала ноги, тень тоже поджала ноги.

Это был не просто кто-то, стоящий у кровати. Это было её собственное отражение, вышедшее из зеркала.

Или что-то, что притворялось им.

За окном занимался серый рассвет. Где-то запела первая птица. Дом просыпался, наполняясь звуками утренней жизни, но Варвара сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на закрытую дверцу шкафа. Она знала, что следующей ночью будет готова. С камерой. Со светом. С решимостью узнать правду.

Канал в «Сферах» ждал нового контента. И Варвара собиралась его предоставить.

Глава 2. Двойник в кадре

Утро началось с тишины — такой глубокой и всеобъемлющей, что Варвара, открыв глаза, несколько секунд не могла понять, где находится. Потом память вернулась рывком, словно кто-то дёрнул затвор фотоаппарата: старый дом, шкаф с зеркалом, ночная запись, тёмный силуэт, лишённый лица, и шёпот, произнёсший одно-единственное слово.

Она села на кровати. Телефон лежал рядом, экраном вниз, и она не сразу решилась взять его в руки. Солнечный свет уже заливал комнату, и ночные страхи казались нелепыми, почти постыдными. Мало ли что может померещиться в темноте после долгой дороги, в незнакомом месте, под аккомпанемент больного воображения бабушки? Но запись. Запись была реальной. Она существовала в памяти телефона, и это меняло всё.

Варвара взяла себя в руки. Первым делом она подошла к шкафу и распахнула дверцы. Внутри висела одежда — её собственные вещи, заботливо разложенные вчера. Никаких следов присутствия. Никакой черноты. Она провела рукой по задней стенке шкафа — та была твёрдой, деревянной, без щелей и потайных ходов. Потом перевела взгляд на зеркало. В нём отражалась обычная девушка с растрёпанными волосами и тёмными кругами под глазами после бессонной ночи. Никаких задержек, никакой несинхронности. Она заставила

себя улыбнуться. Отражение послушно улыбнулось в ответ. Нормально.

— Просто старый дом, — прошептала она, повторяя вчерашнее заклинание.

Но слово «просто» больше не работало.

Она оделась и спустилась на кухню. Мать уже хлопотала у плиты — на сковороде шипели гренки, в чайнике закипала вода. Бабушка сидела за столом, сложив руки перед собой, и смотрела в одну точку на стене, где когда-то, судя по выцветшему прямоугольнику, висели часы. Вид у неё был отсутствующий, и Варвара не сразу решилась поздороваться.

— Доброе утро, — сказала она, садясь напротив.

Бабушка перевела на неё взгляд. В её глазах мелькнуло узнавание, но тут же погасло, как пламя свечи на сквозняке.

— Здравствуй, — ответила она сухо. — Ты кто?

Варвара сглотнула.

— Я Варя. Ваша внучка. Мы вчера приехали.

— Внучка... — бабушка нахмурилась, силясь что-то вспомнить. — У меня нет внучки. У меня есть сын. Он в городе.

— Это ваш зять, — мягко поправила мать, ставя на стол тарелку с гренками. — Ваш сын — это мой брат. А я ваша дочь, Зоя. А это моя дочь, ваша внучка Варя.

Бабушка замолчала. Она смотрела то на мать, то на Варвару, и в её лице происходила какая-то внутренняя борьба — словно две реальности сталкивались в её сознании, и ни

одна не могла победить. Наконец она махнула рукой:

— Всё равно. Всё равно. Какая разница. Вы все чужие. Все, кроме него.

— Кроме кого? — спросила Варвара, подавшись вперёд. Бабушка не ответила. Она взяла гренок и начала медленно жевать, глядя в окно, за которым ветер гнал по небу рваные облака.

После завтрака Варвара поднялась к себе и первым делом проверила телефон. Запись никуда не делась. Она лежала в папке с видео, и значок её пульсировал, словно напоминал о себе. Варвара подключила ноутбук, скинула файл и открыла программу для монтажа. При дневном свете, в привычном интерфейсе редактора, ночной кошмар превращался в материал. В контент. В то, что можно нарезать, склеить, снабдить титрами и музыкой.

Она просмотрела запись от начала до конца три раза. Первый раз — просто так, чтобы снова пережить тот ужас и убедиться, что он реален. Второй раз — покадрово, выискивая технические артефакты, способные объяснить увиденное. Третий — отстранённо, как зритель, оценивая потенциал видео для канала.

С технической точки зрения запись была отвратительной. Темнота, зернистость, дрожание кадра. Но именно эта «сырая» эстетика и придавала ей жуткую убедительность. То, что на видео нельзя было разглядеть детали, работало на пользу: зритель сам дорисовывал самое страшное. Варвара

увеличила яркость на том моменте, где открывается дверца шкафа, и снова увидела силуэт — размытый, нечёткий, но несомненно присутствующий. Он стоял за её спиной, вплотную к кровати, и его лицо — или то, что должно было быть лицом — было гладким, как поверхность воды в безветренный день.

Она вырезала этот фрагмент и сохранила отдельно. Потом открыла звуковую дорожку. Шёпот. Слово «Улыбнись». Она прослушала его десятки раз, пытаясь понять, кому принадлежит голос. Он был бесполом, лишённым интонаций, словно синтезированным. Но в то же время в нём слышалось что-то до боли знакомое. И только после двадцатого прослушивания Варвара поняла: голос был похож на её собственный. Не идентичен — тембр отличался, — но ритмика, манера произнесения, дыхание были теми же. Так могла бы говорить она сама, если бы её голос пропустили через фильтр, искажающий частоты.

Она откинулась на спинку стула и задумалась. Что делать с этой записью? Можно удалить. Сделать вид, что ничего не было. Жить дальше, убеждая себя в том, что старый дом, чужая комната и болезненное воображение сыграли с ней злую шутку. А можно — использовать. Смонтировать видео, выложить на канал и посмотреть, что скажут люди. В конце концов, она и приехала сюда с камерой. Загадочный дом, странная бабушка, паранормальные явления — это идеальный материал для раскрутки. То, что сейчас пугает, завтра может

принести ей тысячи новых подписчиков.

Варвара открыла «Сферы». За ночь её канал пополнился двумя десятками новых подписчиков — люди ждали обещанного контента из старого дома. В личных сообщениях снова была «Алиса_Тень»: «Ну что, как там твой дом? Нашла что-нибудь интересное?» Варвара напечатала ответ: «Кажется, да. Готовлю материал». И сразу же получила в ответ: «Жду с нетерпением! Только будь осторожна. В таких местах шутки плохи».

Она хмыкнула. Кто такая эта Алиса? Почему она так интересуется? Но времени на раздумья не было — желание действовать уже захватило её целиком. Она села монтировать.

Работа заняла несколько часов. Варвара выстроила нарратив: начало — короткий рассказ о переезде и первых впечатлениях, затем — знакомство с домом, съёмки комнат, сада, резных наличников. Потом — переход к ночной записи. Она не стала выкладывать всё как есть. Приглушила яркость ещё сильнее, чтобы силуэт оставался на грани видимости. Наложил фондовый шум — тихий гул, напоминающий дыхание. Шёпот оставила, но сделала его тише, так, чтобы зрителям приходилось напрягать слух. В конце добавила титры: «Это только начало. Подписывайтесь, чтобы не пропустить продолжение».

Перед публикацией она долго сидела, глядя на кнопку «Опубликовать». Что-то внутри сопротивлялось. Словно с публикацией этого видео она переступала невидимую черту,

после которой пути назад уже не будет. Но любопытство и азарт оказались сильнее. Она нажала кнопку.

Днём она решила исследовать дом более основательно. Если здесь и вправду происходит что-то странное, должны быть причины. Корни. История.

Она начала с первого этажа. Гостиная, где стоял старый диван, обитый выцветшим гобеленом, книжный шкаф с пыльными томами, камин, который не топили, судя по всему, уже много лет. На каминной полке стояли фотографии в рамках. Варвара подошла ближе и стала разглядывать.

Вот бабушка в молодости — высокая, статная, с такими же карими глазами, как у самой Варвары. Рядом с ней мужчина в военной форме — должно быть, дед, которого она никогда не видела, он умер задолго до её рождения. Вот их дети: мальчик и девочка. Девочка — это мама, маленькая Зоя, с косичками и серьёзным взглядом. А мальчик — брат матери, дядя Андрей, который сейчас жил где-то на севере и не появлялся уже много лет. На других фотографиях были какие-то люди, которых Варвара не знала — вероятно, дальние родственники, предки, чьи имена уже стёрлись из семейной памяти.

Она взяла в руки одну из фотографий — старую, пожелтевшую, с надломленным уголком. На ней был изображён дом — точно такой же, каким она видела его сейчас, только деревья вокруг были ниже, а на крыльце стояли какие-то люди. Варвара поднесла снимок ближе к глазам. Людей бы-

ло четверо. Мужчина, женщина и двое детей. Лица их были нечёткими, смазанными — выдержка на старых фотоаппаратах была долгой, и люди, не умевшие позировать, часто двигались. Но что-то в этой фотографии привлекло её внимание. Что-то неправильное.

Она присмотрелась. Среди четырёх фигур на крыльце была видна ещё одна — тёмный силуэт позади них, в дверном проёме. Он был меньше остальных, словно стоял в глубине дома, но при этом достаточно различим, чтобы понять: это человек. Пятый человек, которого не должно было быть. Варвара перевернула фотографию. На обороте было написано выцветшими чернилами: «Август 1931 года. Наш новый дом».

Она снова посмотрела на лицевую сторону. Тёмный силуэт в дверях никуда не делся. Он был там, и его поза — если можно было говорить о позе — казалась странно знакомой. Так стояла фигура, которую она видела ночью в зеркале. Так же неподвижно, так же неестественно ровно.

— Что ты там нашла?

Варвара вздрогнула и обернулась. В дверях гостиной стояла мать.

— Старые фотографии, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто это?

Она показала на тёмный силуэт. Мать подошла, взяла фотографию, всмотрелась.

— Не знаю. Никогда не замечала. Может быть, дефект

плёнки? Или кто-то из родственников случайно попал в кадр. Тогда фотоаппараты были редкостью, люди не умели снимать.

— Может быть, — согласилась Варвара, но про себя решила: нужно будет изучить эту фотографию подробнее, отсканировать, увеличить.

— Ты бы лучше помогла мне в саду, — сказала мать. — Там работы непочатый край. А то сидишь целыми днями в своём телефоне.

Варвара кивнула, но, когда мать вышла, она аккуратно взяла фотографию и спрятала её в карман. Ей казалось, что этот снимок — ключ. Ключ к чему-то, что она пока не понимала.

Остаток дня прошёл в трудах. Они с матерью разбирали заросли малины, подвязывали кусты смородины, выпалывали сорняки. Физическая работа отвлекала, возвращала ощущение реальности происходящего. Под солнцем, с землёй под ногтями и болью в мышцах, истории о тенях и отражениях казались досужими выдумками. Бабушка сидела на скамейке у дома, наблюдала за ними и молчала. Иногда она начинала что-то шептать, обращаясь к пустоте, но Варвара старалась не прислушиваться.

Один раз, проходя мимо бабушки с ведром сорняков, она услышала обрывок фразы:

— ...зеркало нужно повесить. Иначе он выйдет.

— Кто выйдет? — спросила Варвара, останавливаясь.

Бабушка подняла на неё глаза. В них плескался страх — древний, первобытный, какой бывает у животных, чувствующих приближение хищника.

— Тот, кто живёт на той стороне. Он копит силы. Он смотрит на тебя, пока ты спишь. А когда насмотрится — выйдет.

— Бабушка, это просто зеркало. Просто стекло с серебряной амальгамой. В нём нет никакой «той стороны».

— Ты не понимаешь, — бабушка покачала головой. — Ты молодая. Ты думаешь, что всё можно объяснить. Но есть вещи, которые старше объяснений. Старше слов. Этот дом стоит на плохом месте. Мой свёкор знал это. Он пытался... пытался запереть. Но оно всё равно нашло лазейку.

— Что запереть? Какую лазейку?

Но бабушка уже замолчала, ушла в себя, и сколько Варвара ни спрашивала, та не отвечала, только смотрела в одну точку и едва заметно раскачивалась.

Вечером, когда мать укладывала бабушку спать, Варвара поднялась на второй этаж с новым планом. Если зеркало в её комнате — портал, или проводник, или что-то в этом роде, нужно попробовать заснять его в другом режиме. У неё был старый «Зенит» с плёночным фотоаппаратом, доставшийся от деда. Говорят, плёнка фиксирует то, что не видит цифровая матрица, — может быть, это миф, но проверить стоило.

Она достала фотоаппарат из коробки. Тяжёлый, металлический, пахнувший старой кожей и смазкой. Объектив был чистым — дед ухаживал за техникой. Она зарядила плёнку,

взвела затвор и направила объектив на шкаф. В зеркале отразилась комната. Никаких теней. Она сделала снимок. Потом ещё один, с другой выдержкой. Потом ещё, с наведением на резкость вглубь зеркала, словно пытаюсь сфотографировать не поверхность стекла, а то, что находится за ней.

— Что ты делаешь?

Голос раздался так неожиданно, что она чуть не выронила фотоаппарат. В дверях стояла мать.

— Просто фотографирую. Для канала.

— Для канала, — мать вздохнула. — Варя, я понимаю, что тебе скучно здесь, но, пожалуйста, не увлекайся. Эти твои социальные сети... они затягивают. И ещё эта история с бабушкой. Ты не должна воспринимать её слова всерьёз.

— Я не воспринимаю, — соврала Варвара.

— Вот и хорошо. — Мать помолчала. — Я хотела тебе сказать кое-что. Когда я была маленькой, я тоже боялась этого шкафа.

Варвара замерла.

— Боялась?

— Да. Мне казалось, что в зеркале кто-то живёт. Что по ночам он выходит и стоит у моей кровати. Я даже просыпалась иногда и видела... что-то. Какую-то тень. — Она невесело усмехнулась. — Детские страхи. Потом я выросла и поняла, что это всё ерунда. Игра воображения. Так что не позволяй обстановке и бабушкиным разговорам запугать тебя.

— А дедушка что-нибудь говорил об этом? — спросила

Варвара осторожно.

Мать нахмурилась.

— Дедушка? Нет. Он вообще не любил говорить о доме. Он его построил, но потом... потом у него были какие-то разногласия с бабушкой. Они даже хотели продавать дом, когда я была совсем маленькой. Но не продали. Не знаю почему.

— А что за разногласия?

— Я не помню. Мне было лет шесть или семь. Какие-то взрослые дела. Не забивай голову.

Мать ушла, а Варвара осталась сидеть на кровати, переваривая услышанное. Мать тоже боялась шкафа. Бабушка говорит о «том, кто живёт на той стороне». Прадед якобы «пытался запереть». Слишком много совпадений. Слишком много ниточек, ведущих к одному и тому же.

Она открыла ноутбук и зашла в поисковик. Ввела адрес дома и название деревни. Интернет еле тянул, страницы загружались медленно, но кое-что найти удалось. Старая газетная заметка, оцифрованная краеведческим музеем, датированная 1932 годом. Заголовок: «Трагедия в новом доме». Текст был обрывочным, часть скана обрезана, но то, что удалось прочесть, заставило Варвару похолодеть.

«...тело мастера-краснодеревщика было найдено в его собственной мастерской при обстоятельствах, которые местные жители называют... странными. Дверь была заперта изнутри. На лице покойного застыло выражение ужаса, а гла-

за... По словам очевидцев, глаза его были широко открыты и устремлены на большое зеркало, которое он изготовил незадолго до смерти. Зеркало это было разбито, хотя никаких следов постороннего присутствия в мастерской обнаружено не было. Жена покойного утверждает, что в последние дни он говорил о «том, кто смотрит», и намеревался уничтожить зеркало, но не успел...»

Дальше текст обрывался. Варвара перечитала заметку трижды. Мастер-краснодеревщик. Это был её прадед. Тот самый, что построил дом, тот самый, чьи резные наличники она снимала вчера. Он умер в мастерской, глядя в разбитое зеркало, которое сам же и изготовил. И перед смертью он говорил о «том, кто смотрит».

Варвара почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она бросила взгляд на шкаф. Зеркало тускло поблёскивало в свете ночника. Оно не было разбито. Оно было целым.

Прадед разбил зеркало в мастерской. Но что, если в доме было ещё одно? То самое, что стоит в её комнате?

Она продолжила поиски. Ещё одна заметка — уже более поздняя, пятидесятых годов. В ней сообщалось о загадочном исчезновении жильца дома, некоего квартиранта, который снимал комнату на втором этаже. «Ушёл и не вернулся. Вещи остались на месте. Родственников не найдено». И снова — упоминание зеркала. «По словам хозяйки дома, квартирант в последнее время жаловался, что его отражение в зеркале ведёт себя странно».

Варвара закрыла ноутбук. Ей нужно было подумать. Все эти истории — звенья одной цепи. Дом, зеркало, исчезновения, смерть. И теперь — она сама, со своей камерой, со своим каналом, со своим любопытством. Словно она встала в конец длинной очереди, и теперь настала её очередь заглянуть в зеркало и встретиться с тем, кто живёт на другой стороне.

Она посмотрела на часы. Полночь. Самое время для того, что она задумала.

Варвара тщательно подготовилась. Установила телефон на штатив, направив объектив на шкаф. Рядом поставила кольцевую лампу, но не стала включать её на полную мощность — только слабый, приглушённый свет, чтобы не спугнуть... то, что могло появиться. Старый «Зенит» зарядила и положила на тумбочку — на случай, если цифровая камера не справится. Сама села на кровать, скрестив ноги, и стала ждать.

Перед этим она проверила комментарии к своему видео. За несколько часов оно набрало больше двух тысяч просмотров и почти сотню комментариев. Люди писали разное. Кто-то восхищался атмосферой, кто-то требовал продолжения, кто-то утверждал, что это постановка, смонтированная на компьютере. Но были и другие комментарии. «У меня мурашки по коже!» — писала одна зрительница. «Это похоже на слепок — есть такое явление, когда сильные эмоции впечатываются в место и потом воспроизводятся снова и сно-

ва», — разглагольствовал кто-то. «Не шути с этим. Зеркала — это двери. Если ты их открываешь, будь готова, что кто-то войдёт», — предостерегал третий.

И снова сообщение от «Алисы_Тень»: «Ты видела его. Он теперь знает, что ты его видела. Не оборачивайся».

Варвара фыркнула и отложила телефон. Алиса явно переигрывала. Но всё же, когда за окном стемнело и дом погрузился в ночную тишину, эти слова всплыли в памяти. «Не оборачивайся».

Она включила запись на телефоне и замерла.

Час ничего не происходил. Дом жил своей обычной жизнью: где-то поскрипывали половицы, за окном шелестели ветви, в трубе тихо завывал ветер. Варвара боролась со сном. Глаза слипались, но она заставляла себя сидеть ровно и смотреть на шкаф. Зеркало было тёмным — только слабый блик от ночника отражался в его глубине.

Около двух часов ночи она услышала шаги в коридоре. Тяжёлые, шаркающие. Бабушка. Варвара не двинулась с места. Шаги приблизились к её двери и затихли. Потом дверная ручка дрогнула, и дверь приоткрылась. В щели показалось лицо бабушки — такое же, как в прошлую ночь: белое, с широко открытыми, но пустыми глазами.

— Ты не спишь, — прошелестела она.

— Не сплю, — ответила Варвара. — Заходите.

Бабушка вошла и села на край кровати. Она была в ночной рубашке, босая, волосы распущены. Варвара заметила, что

её губы слегка дрожали, словно она силилась что-то сказать, но не могла.

— Вам страшно? — спросила Варвара.

— Мне всегда страшно, — ответила бабушка. — С тех пор, как я сюда переехала. Пятьдесят лет страха. Ты думаешь, я сумасшедшая?

— Я так не думаю.

— Думаешь. Все так думают. — Бабушка помолчала. — Но ты не такая, как они. Ты хочешь увидеть. Ты хочешь знать. Это плохо. Очень плохо. Знание не спасает. Знание привязывает.

— Привязывает к чему?

— К нему. — Бабушка кивнула на шкаф. — Когда ты знаешь о нём, он знает о тебе. Это обоюдный взгляд. Ты смотришь в зеркало, а зеркало смотрит в тебя. И чем дольше ты смотришь, тем труднее отвести взгляд.

— Кто он такой? — Варвара подалась вперёд. — Вы знаете?

Бабушка долго молчала. Потом заговорила — тихо, монотонно, словно читала давно заученный текст:

— Мой свёкор был хорошим мастером. Он делал мебель для лучших домов губернии. Но однажды ему попало дерево. Старый дуб, который рос на перекрёстке дорог. Местные обходили его стороной — говорили, что под ним похоронен колдун. Свёкор посмеялся и срубил дерево. Сделал из него шкаф с большим зеркалом. Он говорил — это лучшая

его работа. Но с того дня в доме началось. Сначала мелочи: вещи пропадали и находились не на своих местах, скрипели половицы, хлопали двери. Потом — хуже. Он начал видеть. В зеркале, по ночам. То, что не должно было там быть. Он пытался уничтожить шкаф, но не смог. Не успел. Его нашли в мастерской, перед разбитым зеркалом. Говорят, его лицо было... неправильным. Словно его стёрли.

— Стёрли? — переспросила Варвара.

— Как ластиком по бумаге. Без черт. Гладкое. — Бабушка провела ладонью по своему лицу. — Он говорил, что тот, кто живёт в зеркале, хочет украсть чужое лицо. Чтобы самому стать настоящим.

Варвара перевела взгляд на шкаф. Зеркало было неподвижно. Но ей показалось, или тени в его глубине сгустились?

— Почему вы не уехали? — спросила она. — Почему остались здесь?

Бабушка горько усмехнулась.

— А ты думаешь, он отпускает? Ты думаешь, можно просто собрать вещи и уйти? Он привязывает. Я пробовала. Три раза. И три раза возвращалась. Он не пускает. Он ждёт. Ему нужно... что-то. Я не знаю что. Но он ждёт уже почти сто лет.

Варвара посмотрела на телефон. Красный огонёк записи горел. Всё, что говорила бабушка, фиксировалось. И она уже представляла, какой эффект это произведёт на зрителей. Но одновременно с азартом внутри рос и холодный, отрезвля-

ющий страх. Слишком уж складно всё ложилось. Слишком много подтверждений. Слишком реальным становился этот «человек без лица».

— Идите спать, бабушка, — сказала она наконец. — Вам нужно отдохнуть.

— Я не могу спать, — ответила та. — Он приходит во сне. Но, может быть, сегодня он придёт к тебе. Потому что ты его позвала.

— Я его не звала.

— Звала. Той штукой. — Бабушка кивнула на телефон. — Ты запечатлела его. А он не любит, когда его запечатлевают.

Бабушка поднялась и, не прощаясь, вышла из комнаты. Её шаги стихли в конце коридора.

Варвара осталась одна. Она остановила запись и тут же начала просматривать то, что получилось. Бабушка на видео выглядела жутко: белая фигура в полумраке, монотонный голос, горящие глаза. Но помимо этого, Варвара заметила кое-что ещё. На протяжении всего разговора в зеркале шкафа, позади отражения бабушки, было видно какое-то движение. Слабое, почти незаметное, словно колыхался воздух. Словно кто-то стоял за зеркальным стеклом и слушал.

Она увеличила изображение. Да, определённо. В глубине зеркала было что-то, что не совпадало с отражением комнаты. Какая-то тёмная область, которая смещалась, когда бабушка говорила. Словно некто стоял прямо за стеклом, прижимаясь к нему изнутри, и ждал.

Варвара выключила ноутбук. На сегодня хватит.

Она легла, не раздеваясь, и долго смотрела на шкаф. Спать не хотелось. Каждый нерв в теле был натянут до предела. Она прислушивалась к звукам, к шорохам, к скрипам. Дом не был тихим — он никогда не был тихим. Но этой ночью звуки стали другими. Более осмысленными. Более близкими.

Где-то около трёх часов ночи она услышала новый звук. Тихий, ритмичный стук. Слово кто-то легонько постукивал пальцем по стеклу.

Тук. Тук. Тук.

Она повернула голову. Звук исходил от зеркала.

В лунном свете, падающем из окна, она увидела, что по поверхности зеркального стекла изнутри расплзается тонкая сеть трещин. Они были едва заметны, словно паутина, но они расширились. И в центре этой паутины было тёмное пятно. То самое, что она видела на записи. Оно пульсировало. Оно росло.

Тук. Тук. Тук.

Варвара не могла пошевелиться. Тот же паралич, что и в прошлую ночь, сковал её тело. Она могла только смотреть. И она смотрела, как тёмное пятно в зеркале принимает форму. Очертания головы. Плеч. Рук. Фигуры, которая стояла по ту сторону стекла и смотрела на неё.

У фигуры не было лица. Но Варвара знала — чувствовала каким-то древним, животным чутьём, — что она улыбается.

Она хотела закричать, но голос пропал. Она хотела закрыть глаза, но веки не слушались. Она просто лежала и смотрела, как безликая фигура в зеркале медленно, очень медленно поднимает руку. И рука эта — тёмная, лишённая деталей, словно вырезанная из чёрной бумаги — касается стекла с той стороны.

Трещины побежали быстрее. Стекло зазвенело едва слышно, на грани ультразвука.

А потом фигура шагнула вперёд. Сквозь стекло. И зеркало пошло рябью, как поверхность воды, в которую бросили камень.

Варвара зажмурилась. Это было единственное, что она могла сделать. Она зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. И стала ждать.

Ничего не происходило.

Прошла минута. Другая. Тишина.

Она открыла глаза.

В комнате никого не было. Зеркало было целым. Никаких трещин, никакой паутины. Только лунный свет и её собственное отражение — перепуганная девушка на кровати.

Она села. Дрожащей рукой потянулась к ноутбуку. Запись со штатива всё ещё шла. Она перемотала на последние минуты и стала смотреть.

На видео была она сама, лежащая на кровати. Зеркало. И в зеркале — фигура. Та самая, безликая. Она стояла за стеклом и смотрела. А потом случилось то, что заставило Варва-

ру зажать рот рукой, чтобы не закричать.

Фигура в зеркале подняла руку. И Варвара на кровати — она сама, на записи! — тоже подняла руку. Синхронно. В тот же момент. Словно её тело повторяло движения безликого.

Потом фигура шагнула вперёд, и Варвара на кровати села. Но села она как-то неправильно — рывком, механически, словно марионетка, которую дёрнули за нитки. Её лицо на записи было обращено к зеркалу, но выражение его было пустым, отсутствующим. А потом её губы раздвинулись в улыбке. Медленной, неестественной, растянувшей рот до ушей.

— Улыбнись, — прошептал голос за кадром. И это был её собственный голос.

Запись оборвалась.

Варвара сидела на кровати, глядя в пустой экран ноутбука. Она не помнила, как улыбалась. Она не помнила, как садилась. Последнее, что она помнила — фигура в зеркале поднимает руку. А потом — провал.

Она поднесла руку к лицу. Щёки болели, словно мышцы и вправду были напряжены в неестественной улыбке.

Ей стало по-настоящему страшно. Не так, как раньше — когда страх был смешан с любопытством и азартом исследователя. Теперь это был чистый, концентрированный ужас. Потому что то, что происходило в этом доме, происходило не с бабушкой. И не с прадедом. И не с квартирантом.

Это происходило с ней.

Она встала и подошла к зеркалу. Её собственное отражение смотрело на неё. Глаза в глаза. Она внимательно изучала своё лицо. Вроде бы всё на месте. Глаза, нос, губы. Но что-то изменилось. Что-то неуловимое, словно кто-то невидимый провёл по её чертам ластиком, стирая самую малость, самую капельку индивидуальности.

Или ей это только казалось.

Варвара подняла руку и прикоснулась к стеклу. Холодное. Твёрдое. Обычное зеркальное стекло. Она надавила сильнее. Стекло не поддавалось.

— Кто ты? — прошептала она своему отражению. — Что ты такое?

Отражение молчало. Но уголки его губ дрогнули. Едва заметно. Почти неразличимо. Словно оно хотело улыбнуться, но пока сдерживалось.

Варвара отдернула руку и попятилась. Она поняла: нужно что-то делать. Нельзя просто сидеть и ждать, пока это нечто, живущее в зеркале, продолжит свою игру. Нужно узнать больше. Нужно найти способ защититься.

Она открыла ноутбук и, игнорируя дрожь в пальцах, начала искать. Всё, что могла найти о зеркалах, об отражениях, о двойниках. Старые поверья, эзотерические статьи, форумы исследователей паранормального. Информации было много, и большая её часть выглядела откровенным бредом. Но кое-что повторялось. Кое-что складывалось в пугающую картину.

В разных культурах существовали легенды о зеркальных двойниках. В одних их называли зазеркальниками, в других — пустотниками, в третьих — просто тенями. Считалось, что это существа, лишённые собственного облика, которые стремятся украсть лицо у живого человека. Для этого им нужно, чтобы человек их увидел. Не просто посмотрел в зеркало, а именно увидел — осознал их присутствие. С этого момента между человеком и двойником устанавливается связь. И чем дольше человек смотрит, чем больше внимания уделяет, тем сильнее становится двойник. А человек, соответственно, слабеет. Его собственное лицо постепенно стирается. И однажды двойник занимает его место.

Варвара читала эти строки, и холод растекался по телу. Она не просто увидела двойника. Она засняла его. Она показала его другим людям. Она привлекла к нему внимание. Десятки, а скоро, возможно, сотни людей увидят этот силуэт. И что тогда? Двойник станет сильнее? Или он сможет выйти за пределы зеркала?

Она искала способы защиты. Их было немного: завесить зеркало плотной тканью, разбить его (хотя это считалось опасным — можно высвободить сущность), освятить дом, произвести «обряд разрыва связи». Но самым действенным способом считался самый простой: перестать смотреть. Перестать обращать внимание. Тогда связь ослабевает, и двойник возвращается в своё небытие.

Перестать смотреть. Перестать снимать. Перестать публи-

ковать.

Варвара посмотрела на свой канал. Новое видео набрало почти пять тысяч просмотров. В личных сообщениях было несколько десятков непрочитанных посланий. «Алиса_Тень» написала снова: «Ты разбудила его. Теперь он не уйдёт, пока не получит то, что хочет. Я знаю, как помочь. Напиши мне».

Кто она такая, эта Алиса? Откуда она знает? Варвара открыла её профиль. Пустой. Ни фотографий, ни постов, ни информации. Только ник и аватар — тёмное пятно на тёмном фоне. Подозрительно. Но выбирать не приходилось. Она написала: «Что ты знаешь?»

Ответ пришёл мгновенно, словно Алиса сидела и ждала.

«Ты в опасности. Он уже начал забирать твоё лицо. Посмотри на старые фотографии. Ты увидишь. В этом доме все потеряли лица. Но есть способ остановить его. Нужно найти то, что он прячет. То, что держит его здесь. И уничтожить. Я помогу. Но ты должна делать всё, что я скажу».

Варвара перечитала сообщение несколько раз. В нормальной ситуации она бы посмеялась и заблокировала странную собеседницу. Но ситуация давно перестала быть нормальной. Она была странной, пугающей, невозможной — но не нормальной.

«Что он прячет?» — написала она.

«Зеркало. Не то, что в шкафу. Другое. Маленькое. Его прадед сделал два зеркала из того дуба. Одно — большое,

в шкафу. Второе — маленькое, ручное. В нём — часть его сущности. Найди его. Разбей. Тогда он потеряет силу».

Варвара задумалась. Второе зеркало. Ни мать, ни бабушка никогда не упоминали о нём. Но если прадед действительно сделал два зеркала, то где может быть второе? В мастерской? Но мастерская — если она вообще сохранилась — наверняка заперта или разрушена. Где ещё? На чердаке? В подвале?

«Где его искать?» — спросила она.

«В доме. Там, где всё началось. Ищи. И помни: он знает, что ты ищешь. Он будет мешать. Не верь своим глазам. Не верь отражениям. Не улыбайся».

Не улыбайся. Варвара вспомнила шёпот на записи. «Улыбнись». Двойник хотел, чтобы она улыбалась. Почему? Может быть, улыбка — это что-то вроде разрешения? Что-то вроде приглашения?

Она закрыла ноутбук и подошла к окну. Над лесом занимался рассвет. Небо на востоке розовело. Ночь закончилась, но страх остался. И решимость тоже.

Она найдёт второе зеркало. Она разобьёт его. Она остановит это.

Но прежде чем начать поиски, нужно было сделать ещё кое-что. Варвара взяла плотное покрывало с кровати и набросила его на шкаф, полностью закрыв зеркало. Ткань была тяжёлой, тёмно-синей, и она надёжно скрыла серебристую поверхность. Теперь комната выглядела иначе — словно в ней что-то исчезло. Что-то, что было здесь всегда, но чего

она раньше не замечала.

— Вот так, — сказала она вслух. — Теперь ты меня не увидишь.

Из-под покрывала не донеслось ни звука. Но Варвара готова была поклясться, что слышит тихий, насмешливый шёпот, доносящийся из глубины зеркального стекла:

— Улыбнись.

Она не улыбнулась. Вместо этого она взяла телефон и начала составлять план поисков. Чердак, подвал, кладовые, старые сундуки — она обыщет каждый сантиметр этого дома. И она найдёт то, что ищет. Чего бы ей это ни стоило.

Потому что теперь это была не просто игра. Не просто контент для канала. Это была борьба за собственное лицо.

Глава 3. Зеркало прадеда

План был прост, как всё, что рождается из отчаяния. Обыскать дом. Найти второе зеркало. Разбить. Варвара записала эти три пункта в заметки телефона и перечитала несколько раз, словно надеясь, что от повторения они обретут вес настоящего, выполнимого дела, а не останутся отчаянной попыткой ухватиться за соломинку. За окном разгоралось утро, и в его свете ночные страхи поблёкли, съёжились, спрятались по углам, как тараканы при включённой лампе. Но она знала, что они там. Ждут своего часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.